

А.Ю. ВИНОГРАДОВ
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

КОГДА ЖЕ ПАНТИКАПЕЙ СТАЛ ВОСПОРОМ?

In memoriam Sergii Tochtas'jev

Хорошо известно, что многие города Римской империи в позднеантичный/ранневизантийский период изменили свое имя. Классический пример – таврический Херсонес (Χερσόνησος), который стал именоваться Херсоном (Χερσῶν). Аналогичная судьба постигла и его главного конкурента в Крыму – Пантикапей, получивший новое название – Воспор (Βόσπορος), по тому имени, которое обозначало прежде территорию Боспорского царства, чьей столицей и был Пантикапей¹.

Однако в науке не прояснен вопрос, когда же именно произошла эта смена имени города и – параллельно – объекта, обозначаемого именем Βόσπορος. Некоторые исследователи фиксируют их в VI в., т.е. после перехода Боспора под власть империи, другие вообще предполагают континуитет такого названия города от аттических ораторов IV в. до н.э. Для решения этого сложного вопроса необходим, очевидно, просмотр всех литературных (по базе Thesaurus linguae graecae) и эпиграфических (по базе РНП7) упоминаний имен Пантикапей и Βόσπορος (в папирусах они не встречаются). Проведенный нами анализ этих упоминаний дал следующие результаты.

1. Имя Пантикапей выходит из употребления, по всей видимости, уже к V в. н.э. Если оставить в стороне его позднейшие упоминания у авторов антикварного направления (Стефан Византийский, Суда, Константин Багрянородный, «Перипл» Псевдо-Арриана), то последнее

¹ В дальнейшем мы будем использовать античное произношение Боспор для пролива и территории Боспорского царства, а византийское Воспор – для города.

упоминание Пантикапея как существующего города встречается у Евтропия (*Breviarium ab urbe condita* 7, 9) в 364–378 гг. (см. также ниже).

2. Аттические ораторы IV в. до н.э. нигде не используют имя Βόσπορος для обозначения именно города – в часто приводимом примере из речи Демосфена (*Contra Leptinum* 33) говорится лишь об ἐμπόριον... τοῦ Βοσπόρου «боспорском торговом порту», т.е. старом торговом порту боспорских царей в Пантикапее, противопоставляемом новой торговой гавани в Феодосии. Не помогает здесь и ссылка и на титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии» в его надписях (КБН 6, ба, 8, 1111), так как в нем скорее точно так же противопоставляются старые (Боспор) и новые (Феодосия) владения боспорских царей. Более того, аттическим ораторам было хорошо известно имя Пантикапей (Демосфен (?). *Contra Lacritum* 31, 32, 34). Наконец, между этими авторами и позднеантичными примерами применения имени Βόσπορος к городу не прослеживаются никаких следов преемственности.

3. Еще в конце IV в. н.э. писатели используют имя Βόσπορος для обозначения территории или пролива. Например, Астерий Амасийский (ок. 350 – ок. 410) говорит о «скифах: и тех, которые владеют сушей по ту сторону Эвксинского Понта, живя близ Меотидского озера и реки Танаис, и тех, которые населяют Боспор и тянутся до реки Фасис» (*Nomiliae* 9, 12; ср. 14, 11).

4. Первый, кто прямо говорит о πόλις Βόσπορος «городе Воспоре» – уже упоминавшийся выше Евтропий, который в 364–378 гг. включает в перечисление земель «Понтийское побережье и его крупнейшие города: Воспор и Пантикапей» (*Breviarium ab urbe condita* 7, 9). Очевидно, что Евтропий был не очень хорошо информирован о географии Северного Причерноморья, и потому не совсем ясно, откуда именно у него появился «город Воспор»: из смешения города с территорией Боспорского царства или из реального существования нового имени Пантикапея.

5. Последнее, впрочем, вполне возможно, так как уже однозначно называет город именем Βόσπορος младший современник Евтропия и современник Астерия Епифаний Кипрский (около 320–403), упоминающий некоего «Воспора, которому соименен город, называющийся Воспор, на Эвксинском Понте» (*Paragion* I, 182). Примечательно, что мы встречаем здесь не только имя Βόσπορος как название города, но и уже сложившуюся эпонимическую легенду о его основателе.

6. Первым случаем официального именованя города именем Βόσπορος следует считать, по всей видимости, титул епископа Евдоксия в деяниях IV Вселенского Собора в Халкидоне (451 г.). И если в протоколах Собора он назван просто Εὐδόκιος Βοσπόρων/Βοσπόρου

(АСО II.1.1, 81, 122), аналогично актам I и II Вселенских Соборов 325 и 381 гг., что может быть именовани^{ем} как по территории, так и по городу, то его подписи в 451 г. однозначны: Εὐδόξιος ἐπίσκοπος πόλεως Βοσπόρου «Евдоксий, епископ города Воспора» (АСО II.1.1, 146) и Εὐδοξίου τοῦ εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Βοσπορηῶν πόλεως «Евдоксия, благоговейнейшего епископа города воспорян» (АСО II.1.1, 148, 150), где «город воспорян» – типичная для античности парафраза имени города (ср. в соседней подписи τῆς Δοκμηῶν πόλεως, т.е. города Докимия).

7. Закрепление за именем Βόσπορος обозначения города, а не территории Боспорского царства, стало окончательным в VI в., после исчезновения последнего, и выразилось, в том числе, в образовании формы женского рода (ἡ Βόσπορος), которая была типична именно для обозначения городов (так как ἡ πόλις – женского рода). Именно такая форма встречается у Прокопия (De bellis 1, 12, 7; De aedificiis 3, 7, 12), Иоанна Малалы (Chronographia 431, 433), Менандра Протиктора (De legationibus Romanorum ad gentes 14; второе упоминание в конце этого фрагмента, где стоит ἡ πόλις ὁ Βόσπορος, явно испорчено – лучшей конъектурой представляется не ἡ πόλις <καὶ> ὁ Βόσπορος, как у Нибура и Де Бора, а ἡ πόλις [ὁ] Βόσπορος).

Данные результаты позволяют реконструировать, пусть и приблизительно, общую картину смены имени города с Пантикапея на Воспор и параллельной трансформации имени Βόσπορος из обозначения пролива и территории Боспорского царства в имя его столицы. Во 2 половине IV в. имя Βόσπορος еще применяется к территории Боспорского царства (Астерий), а его столица продолжает называться Пантикапеем (Евтропий). Но в это же время намечается тенденция именовать ее и Воспором (Евтропий, Епифаний Кипрский), так что титул епископа Βοσπόρου на I и II Вселенских Соборах 325 и 381 гг. может относиться и к городу, как это уже точно имело место в 451 г. в Халкидоне. Следовательно, город начал именоваться Воспором задолго до конца Боспорского царства, а во 2 половине IV в. и, возможно, в V в. назывался двумя именами (Пантикапей и Воспор). Фиксируемая в 451 г. форма πόλις Βοσπορηῶν (а такая форма этника зафиксирована и для жителей Боспорского царства, см., например, Страбон. Geographica 16, 2, 39) может указывать на механизм такого перехода: «город боспорян» (= столица Боспора) превращается в «город Воспор» по модели, обратной вышеописанному образованию парафрастических наименований городов. После конца Боспорского царства в начале VI в. имя Воспор окончательно закрепляется за городом и переходит в женский род, обычный для имен городов.

Такая реконструкция истории имени Βόσπορος заставляет нас взглянуть по-новому еще на два важных свидетельства позднеантичной истории Боспора. Первое относится к самому началу V в. Это письмо Иоанна Златоуста (Epistulae ad Olympiada 9), где он говорит о новом епископе для готов, который из-за зимних бурь не может отплыть к своей пастве: οὐδὲ... εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, οὐδὲ εἰς τὰ μέρη ἐκεῖνα «ни на Боспор/в Воспор, ни в те края». Мужской род при имени Βόσπορος и однородный член «ни в те края» говорят скорее в пользу того, что Златоуст имеет здесь в виду территорию Боспора, а не город Воспор. В таком случае, территория обитания готов-христиан должна была находиться за пределами Боспорского царства, причем, вероятно, там, куда нельзя было доплыть из Константинополя, минуя Боспор.

Второе свидетельство принадлежит концу VI в. Это строительная надпись Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, 589–590 гг. (IOSPE³ V 330), выполненная на древнем рельефе и найденная в 1803 г. в Суворовской крепости Тамани. Ее текст сообщает, что император Маврикий возобновил, очевидно, после тюркского разгрома Воспора 576 г., «этот вот славный кесарий» (τόδε τὸ<δ> λαμπρὸν Κεσάριον), находившийся ἐν Βοοσπόρῳ. Тот факт, что с начала VI в. имя Βόσπορος применяется только для обозначения города, заставляет отнести данную надпись все же к Воспору-Керчи, а не к Гермонассе-Тамани, куда она была привезена, вероятно, для строительства Суворовской крепости. Кроме того, это обстоятельство заставляет нас отказаться от прежней попытки истолковать Κεσάριον как имя города (Гермонассы?) и вернуться к его традиционному пониманию как здания, но не гипотетического гермонасского храма Цезаря, а некой постройки в Воспоре.

Хорошо известен Кесарий – храм Цезаря, в египетской Александрии, превращенный в середине IV в. в кафедральный собор города, – такая судьба вполне могла бы постичь и здание пантикапейского храма императорского культа. Однако смущает отсутствие в надписи 589–590 гг. упоминания клириков и указания на христианский характер постройки и, напротив, факт выполнения работ высокопоставленным военным. Действительно, все ранневизантийские строительные надписи *стратилатов* и *дук* говорят о постройке оборонительных или, реже, общественных сооружений (SEG 7, 1061; 32, 1496; Philai II, 216; Gerasa 278; PPUAES III, A, 21, 224, 237; Le Bas and Waddington VI, 2194; IGLS 348, 9115; МАМА III, 73), но не церквей (в надписи PPUAES III, A, 670 (392 г.) слово ἐκκλησία может обозначать городское собрание). Поэтому вероятней, что пантикапейский Кесарий, расположенный, возможно, на возвышенном месте, был превращен в крепость или общественное здание.